

Анна Черри

Агния Бор

БЫВШИЕ

Наследник для миллионера.

Агния Бор

**Бывшие. Наследник
для миллионера**

«Автор»

2026

Бор А.

Бывшие. Наследник для миллионера / А. Бор — «Автор», 2026

— Возьми деньги, — Громов положил стопку купюр передо мной. Я в непонимании посмотрела на них, затем перевела взгляд на Громова. — Дим, зачем? — Вика, не усложняй, пожалуйста, — каким-то не своим голосом сказал любимый и посмотрел так, что сердце моё моментально сжалось. — Мне сейчас не нужен ребёнок. Это на клинику. — Но я не могу. Это же наш малыш, — в ужасе прошептала и приложила ладони к животу. — Вика, да пойми же ты, — со сталью в голосе сказал он. Его ладонь, лежащая на столе рядом с моей, сжалась в кулак. — Сейчас не до ребёнка! — Но, Дим — в ужасе прошептала я, с неверием и отчаянием смотря в некогда тёплые и такие любимые глаза, которые сейчас были полны холода и безжалостности. — Ты любишь меня? — тихо и немного угрожающе спросил он. — Конечно, люблю, — честно ответила я и почувствовала, как по щекам непроизвольно потекли слёзы. — Больше жизни люблю! — Тогда тебе нужно сделать выбор, Вика! Я или ребёнок! *Бывшие* *Пышка и Властный герой* *Встреча через время* Короткий роман

© Бор А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Агния Бор

Бывшие. Наследник для миллионера

Пролог

— Вика, возьми деньги, — Громов положил стопку купюр передо мной на стол.

Я в непонимании посмотрела на них, затем перевела взгляд на Громова и спросила:

— Дим, зачем?

— Вика, не усложняй, пожалуйста, — каким-то не своим голосом сказал любимый и посмотрел на меня так, что сердце моё моментально сжалось. — Мне сейчас не нужен ребёнок. Это на клинику.

— Но я... Я не могу, Дим. Это же наши малыши, — в ужасе прошептала я и машинально приложила ладони к животу.

К ещё мягкому животу, в котором только начала зарождаться жизнь.

— Вика, да пойми же ты, — жёстко и со сталью в голосе сказал он. Его ладонь, лежащая на столе рядом с моей, сжалась в кулак. Да так, что костяшки побелели. — Сейчас не до ребёнка!

— Но, Дим... — в ужасе прошептала я, с неверием и отчаянием смотря в некогда тёплые и такие любимые глаза, которые сейчас были полны холода и безжалостности.

— Ты любишь меня? — тихо и немного угрожающе спросил он.

— Конечно, люблю, — честно ответила я и почувствовала, как по щекам произвольно потекли слёзы. — Большие жизни люблю...

— Тогда тебе нужно сделать выбор, Вика! Я или ребёнок!

Глава 1

— Никита! Никита, где ты? — выкрикнула я, лихорадочно оглядываясь по сторонам, и чувствуя, как внутри всё сжимается от ледяного страха.

Сердце бешено колотилось о рёбра, моя ладонь вспотела, а в висках начала пульсировать паника.

Потерялся.

Вдруг он потерялся в этом огромном, незнакомом аэропорту, где эхо разносит десятки голосов и объявлений, и я просто не знаю, с какой стороны начать его искать? Мы ведь в первый раз прилетели к морю. Всё вокруг чужое, шумное, пугающее своими размерами.

Я буквально кожей ощущала, как каждая секунда отсутствия сына утяжеляет свинцовый груз внутри меня.

Дрожащими пальцами я принялась судорожно рыться в своей сумке, в которой вечно терялись ключи, помада и вот этот чёртов телефон.

Я уже мысленно набирала его номер, когда вдруг услышала родной голос прямо за спиной.

— Мама, — окликнул меня Никита, и я, резко обернувшись, увидела его — живое, улыбающееся солнышко, которое только что вырвало меня из лап дикого ужаса.

Выдохнула так облегчённо, что даже голова закружилась, а перед глазами всё поплыло.

— Вот вода. Держи, — он протянул мне холодную бутылку, на которой собирались капельки конденсата, и смотрел на меня с той взрослой серьёзностью, которая иногда пугала в его семилетних глазах.

— Ты почему пропал? — голос мой сорвался на хриплый шёпот, потому что горло всё ещё перехватывало от пережитого испуга. — Заставляешь маму так сильно волноваться? Я же чуть с ума не сошла, пока тебя не нашла!

Я прикусила губу, чтобы не расплакаться от нахлынувших эмоций.

И, похоже, это не просто наша первая поездка на море — возможно, она станет и последней.

Эта мысль вдруг пришла в голову так некстати и я вспоминала, как два часа подряд мучительно выбирала купальник в магазине. Сто кило веса отзывались на каждой примерке насмешливым эхом, когда я смотрела в зеркало и видела, как на мне всё сидит так, словно я натягиваю брезентовую палатку на себя.

Только в одном специализированном отделе мне улыбнулась удача: нашлись два замечательных варианта, которые идеально подчеркнули мои пышные формы.

— Но ты же сама говорила, что пить хочешь, — нахмурился Никита, и в его оправдании было столько искренности, что я невольно улыбнулась краешком губ. — Вот я и сбегал. Быстро, правда?

Ему ведь всего семь. Такой маленький ещё, а уже этот самостоятельный порыв в нём просыпается.

Я смотрела на его серьёзное личико и думала: что же будет через год, через пять?

— Пообещай мне, — попросила я, осторожно поправляя светлую прядку его волос, такую же белобрысую, как и у меня, — что никуда от меня больше не отойдёшь. Особенно в аэропорту. Даже за водой. Понял?

— Ну ма-ам, — протянул сын с наигранным недовольством, скрестив руки на груди и надув губы. Но в его глазах заплясали смешинки — он знал, что я не сержусь по-настоящему.

Я уже взяла его за руку, мы сделали пару шагов вперёд, когда вдруг из-за спины раздался голос.

Глубокий, бархатистый, такой до боли знакомый, что земля буквально ушла из-под ног:

— Эй, парень...

Я окаменела.

Воздух разом вышибло из лёгких, и я почувствовала, как по позвоночнику пробежал ледяной разряд.

Этот голос я надеялась никогда больше не услышать.

Голос, который когда-то был для меня музыкой, а потом стал приговором.

Сердце пропустило удар, замерло на мгновение, а затем забилось с такой бешеной силой, что в глазах потемнело, будто солнечный свет аэропорта погас для меня на секунду.

Я не видела его, но уже знала — он близко. Знакомый, до одури родной аромат его парфюма, смешанный с запахом дорогой кожи окутал меня плотным коконом, мгновенно перенося в прошлое.

Туда, где я тонула в этом аромате, где я любила этого мужчину так сильно, что забывала, как дышать.

— Кажется, это твой телефон, парень? Ты оставил, покупая воду, — каждое слово ударило плетью по моему сердцу. — Девушка, это же телефон вашего сына? Правильно?

Я стояла, не в силах пошевелиться. Ноги стали ватными, в горле пересохло, а перед глазами всё плыло.

Сделала глубокий вдох, стараясь унять дрожь, и медленно, словно на шарнирах, обернулась.

Это действительно был он!

Он!

Громов!

Стоял прямо передо мной во всей своей высокой, широкоплечей стати, в идеально сидящем костюме, с этим его пронизывающим насквозь взглядом. От которого у меня когда-то плавилась внутренности.

Тот самый человек, который растоптал мою любовь восемь лет назад, уничтожив меня одним лишь решением. Тот, кого я любила больше жизни, больше себя самой...

Наши взгляды встретились, и меня точно ударило током: в глазах Громова мелькнуло узнавание, а затем — глубочайшее изумление.

— Вика?

— Ага, мой, спасибо, — звонко выкрикнул Никита, ловко выхватывая свой телефон из руки незнакомца и сжимая его в кулаке.

Я видела, как Громов переводит взгляд с моего лица на лицо сына. Видела, как в его глазах медленно загорается понимание, как он сканирует каждую чёрточку Никиты, и холодный ужас сковал меня.

Он понял. Боже...

Он всё понял.

Никита — точная копия отца: тот же разрез глаз, та же линия скул, тот же упрямый изгиб губ. Только цвет волос мой, а всё остальное — вылитый Громов.

Я почувствовала, как зубы непроизвольно сжались до скрежета, а в груди поднялась такая волна ледяной ярости, что перекрыла весь страх. Резко развернувшись, схватила сына за руку и рванула к выходу, почти волоча его за собой.

— Вика, подожди, — прокричал мне вслед Громов.

Но я нагло делала вид, что не слышу его.

— Мам, кто это? — забеспокоился Никита, пытаясь идти в ногу со мной. — Этот мужик знает тебя?

— Он обознался, милый, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, но он предательски дрожал, как струна.

— Но он знает твоё имя, мам, — с подозрением сказал сын.

— Сынок, ну мало ли ещё женщин с моим именем? — я понимала, что это звучит глупо, и что Никита мне не поверит.

Я бы и сама не поверила. Но мысли испуганными птицами метались в голове, мешая что-либо соображать.

— Вика... — донеслось мне в спину, и я ускорила шаг, заставляя сына едва ли не бежать со мной рядом. Несмотря на свои сто с копейками кило, я сейчас чувствовала, что могу на целый марафон. Лишь бы подальше от человека, что предал меня.

Меня... Нас.

Громов навряд ли за нами побежит. Такие люди не бегают. Зачем ему это? Он не будет. Да и миллионеру не положено.

А вот я не остановлюсь. Как и тогда не остановилась.

Тогда... Восемь лет назад.

Бросив ему поганые деньги в лицо, я тоже ушла.

Практически убежала, чтобы сохранить жизнь... Нашему ребёнку.

Дорогие Друзья, будем благодарны Вашей поддержке истории в виде звёздочек книге и Вашему отклику в комментариях!) Это очень вдохновляет нас с Музом

Чтобы не пропустить новинки и скидки – подписывайтесь на нас, Друзья!

Глава 2

Я смогла перевести дыхание, только когда мы с сыном наконец-то плюхнулись на заднее сиденье старенького, но чистого такси. Хлопнула дверца, отрезая нас от шумного аэропорта, от толпы, от него.

Я на секунду прикрыла глаза и позволила себе выдохнуть — глубоко, чувствуя, как напряжение понемногу отпускает затёкшие плечи.

Вот теперь Громов точно до нас не доберётся.

Да и в отеле мы в безопасности. Ведь он бюджетный. В таких миллионеры не обитают. Это же не лучше клоповник, аккуратнo для них.

А для нас с сыном это очень даже нормальный вариант. По отзывам, там всё чисто, персонал хороший и до моря не так и далеко добираться.

Больших денег у нас никогда не было. Мы с Никиткой копили на эту поездку долго. Я откладывала каждую копейку, лишая себя даже маленьких радостей: не покупала новую косметику, donaшивала старые джинсы, отказывалась от кофе в кофейнях.

Это была наша общая мечта — моя и сына, и мы шли к ней маленькими, но уверенными шагами.

Одной с ребёнком на руках выживать тяжело. Очень тяжело. Но я справилась. Я прошла через такое, что теперь кажется почти нереальным: смены в пекарне с четырёх утра, ночные подработки, бесконечные расчёты, где сэкономить рубль.

Из простого продавца и пекаря, который месил тесто до ломоты в руках, я смогла стать хозяйкой своей собственной пекарни. Пусть и совсем крошечной — всего с тремя столами, одной витриной и старой кофеваркой, которая иногда капризничала, — но своей. Моей.

Я мечтала о ней много лет. Всегда хотелось иметь своё дело, пусть маленькое, но тёплое, уютное, где пахнет ванилью и свежим хлебом. Где люди приходят за вкусняшками, а уходят с улыбкой.

Я вкладывала в каждую булочку свою душу, в каждый круассан — частичку тепла. И это окупалось: у меня появились постоянные клиенты, пошли заказы на торты.

В какой-то момент я поняла, что могу позволить себе не только оплатить аренду и налоги, но и отложить на отпуск.

Теперь наша мечта о море сбылась. Первая поездка на побережье, первый раз, когда Никитка увидит вживую огромную синюю гладь, о которой мы столько читали и смотрели в роликах. Он грезил ею: рисовал волны в альбоме, строил кораблики из лего и всё спрашивал, когда мы поедem. И вот мы здесь.

А следующая наша цель — собственное жильё. Ипотека. Двадцать лет рабства за несчастную двушку в панельном доме на окраине, с соседями, которые будут сверлить по субботам.

Я уже прикидывала в уме, сколько смогу платить в месяц, не загибаясь при этом от голода. Сумма выходила страшной, почти неподъёмной. Но я умею справляться. Я всегда справлялась.

В отель мы прибыли через час.

За окнами такси проплывали незнакомые улочки с пальмами, низкими домиками и яркими вывесками, и Никита прилип к стеклу, рассматривая всё с широко раскрытыми глазами.

Заселение прошло быстро: нам дали ключи от номера на втором этаже, с видом на небольшой дворик и пальму за окном. Комната оказалась простой, но уютной: две кровати, стол, маленький холодильник и кондиционер, который еле слышно гудел, разгоняя духоту.

Перекусили мы в ресторане при отеле. Сын с энтузиазмом умял пасту с креветками, а я довольствовалась салатом, чтобы не перегружать желудок перед пляжем.

Мы быстро переоделись и схватили полотенца. Никитка нетерпеливо подпрыгивал у двери, натягивая панамку на свои белоснежные кудри.

— Ну когда уже, ма-ам?

— Бежим, бежим, непоседа, — засмеялась я, защёлкивая сумочку.

И мы отправились к морю.

Честно признаться, я сама едва сдерживала волнение. Тот, кто впервые на курорте, поймёт меня без слов. Каждый вдох кажется праздничным, когда воздух пахнет солью и свободой, а не пылью и выхлопными газами. Всё вокруг кажется невероятно красивым и удивительным, словно ты попал в открытку.

А пляж... Это был почти рай. Белый песок, бирюзовая гладь, уходящая за горизонт, и волны, что тихо накатывали на берег, словно приглашая войти.

— Мама, быстрее! — торопил меня Никита, дёргая за руку и практически волоча вперёд, к долгожданной полоске песка перед этой бесконечной синевой.

— Никита, я так могу упасть! — смеялась я, переходя на бег. Мои сто килограммов сегодня казались невесомыми: адреналин, радость, солнце — всё смешалось в одну счастливую волну.

Мы купались до самого вечера. Вода оказалась просто шикарной — тёплая, как парное молоко, и гладкая, словно шёлк. Я ныряла, плескалась с сыном, учила его держаться на волнах, и мы оба хохотали, когда солёные брызги попадали в глаза и рот.

Никитка носился по мелководью, вылавливая руками маленьких крабиков и собирая ракушки в мокрую панамку, которую он приспособил под ведро.

С его губ не сходила улыбка, и я чувствовала, как внутри меня разливается щемящее, почти болезненное счастье.

Сил идти в ресторан на ужин не осталось совсем — ноги гудели, глаза слипались а голова кружилась от приятной усталости. Поэтому я просто заказала еду в номер: пиццу для Никитки и пасту для себя, плюс два сока.

Я едва успела сбегать в душ, как в дверь постучали.

— Иду-иду! — радостно крикнула я, вытирая мокрые волосы полотенцем и накидывая халат прямо на влажное тело.

Распахнула дверь — и застыла.

— Виктория? — На пороге стоял молодой парень в форменной одежде отеля, а в его руках — огромный, невероятный букет.

Розовые розы.

Мои любимые...

Те самые, которые когда-то дарил мне только он.

Громов.

Он знал, что розовые розы — моя слабость. Практически каждый день, каждое простое "я соскучился" после рабочего дня, когда мы не виделись, сопровождалось этими цветами.

И теперь этот запах, этот вид ударили по мне, как пощёчина, возвращая туда, где всё только начиналось и где всё закончилось.

В цветах торчала записка. Дрожащими пальцами я открыла её и строки поплыли перед глазами:

"Хочу встретиться со своим сыном".

Сердце ухнуло куда-то в пятки, а перед глазами в один миг пронеслась вся та ночь, которая разорвала мою жизнь надвое.

Та ночь, когда я сделала самый страшный выбор в своей жизни:

— *Вика, возьми деньги, — Громов положил стопку купюр передо мной на стол.*

Я в непонимании посмотрела на них, затем перевела взгляд на Громова и спросила:

— *Дим, зачем?*

— Вика, не усложняй, пожалуйста, — каким-то не своим голосом сказал любимый и посмотрел на меня так, что сердце моё моментально сжалось. — Мне сейчас не нужен ребёнок. Это на клинику.

— Но я... Я не могу, Дим. Это же наши малыши, — в ужасе прошептала я и машинально приложила ладони к животу.

К ещё мягкому животу, в котором только начала зарождаться жизнь.

— Вика, да пойми же ты, — жёстко и со сталью в голосе сказал он. Его ладонь, лежащая на столе рядом с моей, сжалась в кулак. Да так, что костяшки побелели. — Сейчас не до ребёнка!

— Но, Дим... — в ужасе прошептала я, с неверием и отчаянием смотря в некогда тёплые и такие любимые глаза, которые сейчас были полны холода и безжалостности.

— Ты любишь меня? — тихо и немного угрожающе спросил он.

— Конечно, люблю, — честно ответила я и почувствовала, как по щекам произвольно потекли слёзы. — Большие жизни люблю...

— Тогда тебе нужно сделать выбор, Вика! Я или ребёнок!

Глава 3

Утром мы встали рано.

Будильник ещё не прозвенел, а за окном только начинало сереть небо, когда я услышала топот маленьких ног и шумное дыхание прямо у своего лица.

Никита уже был полностью одет, причёсан и даже зубы успел почистить, судя по запаху мятной пасты, который доносился от него. Он стоял надо мной, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, и его глаза горели таким предвкушением, что я невольно улыбнулась сквозь сон.

— Мам, ну давай уже, — торопил он, дёргая меня за край одеяла. — Пошли, а то опоздаем, и они уедут без нас! Там же львов обещали! Настоящих!

— Иду, милый, иду, — ответила я, едва волоча ноги и чувствуя, как каждая клеточка тела протестует против подъёма.

Проснувшись я разбитой, словно всю ночь не отдыхала, а таскала мешки с цементом. Голова гудела, в висках пульсировала тяжёлая, тупая боль, а внутри, где-то глубоко в груди, зияла холодная пустота.

Я с трудом поднялась с кровати, налила себе стакан воды и сделала несколько глотков, надеясь, что это поможет прогнать остатки ночного кошмара.

Но он не уходил.

Я вновь видела ту самую страшную ночь, когда моя жизнь раскололась на «до» и «после». Когда мне пришлось сделать самый тяжёлый выбор в жизни.

Нет, не так. Выбора-то, по сути, и не было.

Вообще никакого.

Это слово — «выбор» — звучит так, будто у меня была хотя бы иллюзия альтернативы, будто я могла повернуть время вспять или найти третий путь. Но реальность оказалась жестокой и прямой.

Я не могла даже подумать о клинике. Мне одни только мысли об этом причиняли физическую боль.

Мне было невыносимо.

Я просто пыталась принять то, что нужно теперь жить без него. Без человека, ради которого я готова была на всё. Почти на всё, как оказалось.

Каждый день я собирала себя по кусочкам — словно разбитую вазу, которую склеивают дрожащими пальцами, надеясь, что трещины не будут видны посторонним.

Я заставляла себя забыть о Громе.

О его глазах — тех самых, что когда-то смотрели на меня с нежностью, а в последнюю нашу встречу стали холодными, как зимнее небо.

О его голосе — низким, бархатным, который раньше успокаивал одним лишь словом, а тогда резал слух, как лезвие.

О его прикосновениях... От которых у меня когда-то перехватывало дыхание, а в ту ночь они обжигали холодом так, что казалось, я чувствую этот мороз даже под кожей.

Только когда у меня появился Никитка, мне стало легче. Хотя немного, поскольку я больше не была одна.

Он стал центром моей вселенной, точкой отсчета, ради которой стоило дышать, вставать по утрам и заставлять себя улыбаться.

И сейчас, глядя на него, я понимала, что всё сделала правильно, что я не смогла бы жить без моего сына.

Моего!

Не Громова!

Моего!

И тут меня окатило ледяной волной, от которой перехватило дыхание и свело живот. Мысль пришла внезапно:

Громов может захотеть забрать у меня сына?

А вдруг захочет?

Вдруг?

Может, он стал ещё более жестоким, ещё более расчётливым? Может, ему просто нужен наследник, и он увидел в Никите идеальный вариант?

Кто знает, как его изменили эти восемь лет?

Да что уж там, я думала, что знала его раньше, но... После того, какой он выбор передо мной поставил, я поняла, что совершенно не знала этого человека.

Я никогда до той страшной ночи не видела столько льда в его глазах, не слышала стали в его голосе и его прикосновения никогда не причиняли мне боль. А тогда... Тогда каждое его прикосновение словно обжигало холодом мою нежную кожу. Мне казалось, что останутся шрамы...

Их не осталось. На коже, по крайней мере. Они были на сердце, которое пришлось собирать по кусочкам много лет.

И вот стоило только услышать его голос, увидеть его, как все глубоко зарытые чувства вновь вспыхнули ярким обжигающим пламенем!

Душу выворачивало наизнанку...

— Мам, ну пошли уже, — выдернул меня из тяжёлых раздумий недовольный голос сына.

Он стоял в дверях, надув губы и притопывая ногой в маленьком кеде.

Я тряхнула головой, прогоняя мрачные мысли, и быстро собралась. Через час мы уже подъезжали к «Сафари-парку» — месту, куда Никита хотел попасть больше всего на свете. Он, наверное, и согласился на эту экскурсию только из-за него.

Это было его мечтой, которая сбылась. Он начал ёрзать на сидении автобуса, который подвозил нас к месту назначения. Ему уже не терпелось. Детские глазки так блестели от восторга, что я не могла сдержать улыбку.

Мы пересели в «сафари-трак», сын устроился поближе к окну. Чтобы всё лучше рассмотреть.

Я и сама чувствовала себя ребёнком в этот момент.

Мы медленно проезжали по дороге вдоль животных.

— Мама, смотри, это же настоящий медведь, — восторженно произнес Никитка, указывая пальцем.

— Да, большой какой, — согласилась я с сыном, погладив его по светлой макушке.

— А вон верблюд! Горбатый! Двугорбый! — продолжал он, переключаясь на следующего зверя. — Мам, а почему у него два горба? У других же один?

— Есть одnogорбые, есть двугорбые, — объясняла я, радуясь его любопытству. — Это разные породы.

Он не замолкал на протяжении всех часов, что мы там катались. Его счастьем просто не было предела.

После нашей экскурсии по парку мы очень устали, но мы были счастливы и довольны.

Добравшись до отеля, мы сходили на ужин, и сын уговорил меня ещё сходить в бассейн, он очень хотел поплескаться в воде. Я не могла отказать ему.

Да и бассейн у нас находился на территории отеля.

Когда мы пришли на место, Никитка быстро скинул с себя лишнюю одежду и направился к воде. А я расположилась на шезлонге, который стоял недалеко. И мне было видно сына.

— Здравствуй, Вика, — раздалось рядом со мной, и меня молнией насквозь пронзило от этого голоса.

Низкого, бархатистого, с той хрипотцой, от которой у меня когда-то подкашивались колени.

Я резко обернулась, и воздух вышибло из лёгких. Он сидел на соседнем шезлонге, всего в метре от меня — как будто всегда там и был. Громов.

Собственной безжалостной персоной!

С этим его ледяным, изучающим взглядом. Он выглядел так же, как и восемь лет назад: подтянутый, уверенный, опасный.

Только в глазах прибавилось чего-то взрослого, жёсткого.

— Что тебе нужно, Громов? — низким и чуть дрожащим голосом спросила я, и довольно резко получилось.

Лучше пусть резко, чем жалко.

Он окинул меня медленным взглядом — с ног до головы — и на его губах заиграла странная полуулыбка.

— Ты изменилась, Вика.

И эти слова ударили по мне плетью.

Да, я изменилась за эти годы.

Я стала взрослее — из моих глаз ушла та юношеская наивная вера в сказку, в то, что любовь победит всё. Я стала жёстче, спокойнее, научилась закрываться от боли.

И после родов я ещё набрала вес. Нет, я всегда была с пышными формами, сколько себя помню. Моя фигура никогда не была модельной — в ней всегда чувствовалось что-то мягкое, женственное, домашнее. Но сейчас она стала иной: более округлой, более зрелой.

Роды много кого меняют. Но мне было больно видеть в его глазах разочарование.

Да, это неправильно, ведь этот человек предал меня, растоптал... И мне должно быть плевать на него и его мнение.

Должно...

Но чувства... Эти проклятые чувства, которые я пыталась похоронить восемь лет...

— Ты стала ещё красивее, — внезапно сказал он, и его взгляд задержался на моей груди, на изгибе бёдер, на том, как ткань купальника облегает мои округлости. — Ещё более женственной... Тебе очень идёт.

Я не ожидала это услышать...

Наверное, мой мозг готовился к самому худшему, поэтому такие искренние слова из уст человека, которого любила больше жизни, так сильно обескуражили меня.

Его восторг в глазах... Настоящий восторг...

И в голосе патока...

— Громов, что тебе нужно? — кое-как совладав с бурей чувств, спросила я и почему-то притянула к груди полотенце, словно хотела прикрыться.

Мужчина всей моей жизни перевёл задумчивый взгляд на Никиту, купающегося на мелководье с другими детьми.

— Что мне нужно?

Он посмотрел на меня, и в его взгляде я увидела нечто такое, от чего по позвоночнику, несмотря на расплавляющую всё жару, пробежался ледяной холод.

— Мой сын!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.